

всплывают лишь имена, но не судьбы людей. Они остаются за рамками книги, равно как не берется автор описывать и «драмы идей», лежащие в основе современной генетики.

В заключение следует отметить, что автор в целом хорошо справился со своей задачей. Книга, конечно, несколько грешит перекосом в сторону рассказа об англоязычных ученых. Из русских генетиков более пяти раз упоминаются лишь Н.И. Вавилов и С.Г. Левит. По три-четыре упоминания достались И.И. Аголу, А.А. Прокофьевой-Бельговской, А.С. Серебровскому (который в книге почему-то назван А.И. Серебровским). Всего по одному разу упоминаются Н.К. Кольцов, Я.Я. Керкис и Н.В. Тимофеев-Ресовский³². Вовсе не названы имена таких выдающихся отечественных биологов, как Ю.А. Филипченко, С.С. Четвериков, Г.Д. Карпеченко, Г.А. Левитский, ничего не сказано ни о теории гомологических рядов Вавилова, ни о работах советских генетиков по созданию полиплоидных гибридов. Впрочем, право включать те или иные исследования в число научных вех остается за автором.

Однако не повезло не только русским ученым. Так, крупный немецкий генетик Эрвин Баур упомянут в книге лишь три раза. Также по три упоминания удостоились Карл Негели и Вильгельм Йоганнсен. Имя Карла Корренса встречается на четырех страницах, в отличие от Пирсона (более 20 страниц), Де Фриза (более 40 страниц) и Бэтсона (более 60 страниц).

Так что в плане полноты книга Шварца проигрывает вышеупомянутым монографиям А.Е. Гайсиновича. Однако занимательность изложения в заметной степени искупает эту неполноту, и книгу хотелось бы видеть переведенной на русский язык. В связи с этим хочется дать совет будущему переводчику. Дословно название «In pursuit of the Gene», с учетом научного контекста, надо переводить как «В поисках гена». Но термин *pursuit* в спорте имеет значение гонки, в частности, гонки преследования. Поэтому более адекватный перевод может звучать как «Генетическая гонка» или «В погоне за геном». Это вполне соответствует динамичному и драматическому стилю изложения автора.

Книга воспоминаний о советской биологии 1950-х – 1970-х гг.

А.В. КУПРИАНОВ

Государственный университет — Высшая школа экономики,
Санкт-Петербург, Россия; alexei.kouprianov@gmail.com

В своей книге³³ эмбриолог растений и генетик доктор биологических наук Маргарита Петровна Солнцева (родилась в 1929 г., в настоящее время проживает в Германии) пишет об истории науки о растениях в СССР 1950-х — 1970-х гг. Сочетая результаты исторических исследований и собственные воспоминания, она выстраивает повествование о своей личной научной биографии.

М.П. Солнцева поступила на Биолого-почвенный факультет Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) государственного университета через несколько дней после печально знаменитой августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г., когда малообразованный

³² При этом на страницах книги читатель многократно встретит Т.Д. Лысенко, И.И. Презента, В.И. Ленина, И.В. Сталина, В.М. Молотова и наркома земледелия Я.А. Яковлева.

³³ *Солнцева М. П.* Воспоминания о времени культа личности в биологии. СПб.: Политехника-сервис, 2009. 113 с.: илл.

агроном Т.Д. Лысенко при поддержке Коммунистической партии одержал верх над классической генетикой, получившей ярлык менделизма-вейсманизма-морганизма (по именам трех главных «врагов» советской биологии, Г. Менделя, А. Вейсмана и Т.Х. Моргана). Результатом сессии стал запрет на нормальную генетику, а многие биологи, обвиненные в «менделизме», были уволены с работы, ушли из науки или вынуждены были покаяться и поменять направление исследований. После долгих лет борьбы генетика была восстановлена в своих правах в 1960-е гг., когда на посту генерального секретаря КПСС Н.С. Хрущёва сменил Л.И. Брежнев, и Лысенко утратил свое влияние. В начале книги М.П. Солнцева, опираясь на довольно неполный, замечу, обзор литературы, пересказывает эту историю, чтобы создать фон для воспоминаний более личного характера.

Сила книги, разумеется, не в этом кратком пересказе истории довольно хорошо известных событий, а в нескольких эпизодах более личного свойства, которые изображают жизнь советских биологов конца 1940-х — начала 1960-х гг. История охватывает годы обучения на кафедре генетики в Ленинграде (1948—1953), аспирантуру и работу в Минске (1953—1960) и затем — в Ботаническом институте им. В.Л. Комарова АН СССР в Ленинграде (с 1960). Наиболее интересная часть воспоминаний — история становления молодого специалиста, снабженная многими «говорящими» деталями обучения практике научного исследования в 1950-е гг.: редкость и малодоступность учебников, в особен-

ности по генетике, статистике и микроскопической технике, важность личного контакта между исследователями при передаче навыков практической работы. Внимательный читатель найдет немало интересных мелких деталей, касающихся тонкостей практической работы биологов того времени (изготовление и интерпретация микроскопических препаратов, детали постановки экспериментов).

Сообщаемые автором детали позволяют по-новому взглянуть на некоторые дискуссии времен лысенковщины (по проблемам вегетативной гибридизации, опыления смесями пыльцы, непостоянства числа хромосом), погрузиться в атмосферу неопределенности, в которой пребывает каждый исследователь, занимающийся интерпретацией данных наблюдений и экспериментов. Кульминацией истории можно назвать постепенное обращение автора, начинавшего как наивный «мичуринец», в «морганиста» под давлением опытных данных. Эксперименты по кандидатской диссертации, посвященной генетике садовой земляники, задуманные как подтверждение лысенковских теорий, дали негативные результаты. Не в последнюю очередь это стало возможно благодаря твердо усвоенным еще в университете навыкам постановки и статистической обработки результатов эксперимента (курс «менделевско-моргановской» генетики и основы вариационной статистики на кафедре генетики ЛГУ читал, правда, под присмотром заведующего, неразоблаченный «морганист» В.С. Фёдоров).

Автор был знаком со многими людьми, игравшими ключевую роль истории советской биологии, среди прочих Н.В. Турбиным («мичуринцем», ставшим «морганистом», который был руководителем ее диссертационного исследования), А.Р. Жебраком (упорным защитником генетики, за сына которого М.П. Солнцева вышла замуж) и многими другими. Книга иллюстрирована фотографиями из коллекции автора, большинство из них публикуется впервые.

Историки никогда не бывают полностью довольны тем, что именно ученые включают в свои воспоминания, а что оставляют за кадром, но я хотел бы воздержаться от слишком строгого осуждения. Вместе с тем, я считаю своим долгом пожаловаться на два явных недостатка книги: ее краткость (за вычетом обзорной части останется едва полсотни страниц) и то, что результаты исторических исследований иногда смешиваются с личными воспоминаниями «из первых рук». Тем не менее, любой читатель, знакомый с предметом, легко отличит личные воспоминания от вторичных наслоений.

Художник смерти

М.В. ХАРТАНОВИЧ

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН,
Санкт-Петербург, Россия; marhar@kunstkamera.ru

В 2008 г. в издательстве «Наука» в переводе на русский язык вышла книга нидерландского историка науки и медицины Люка Койманса «Художник смерти»³⁴. Ее научную редакцию осуществил А.Б. Радзюн, хранитель анатомических коллекций Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

³⁴ Койманс Л. Художник смерти. Анатомические уроки Фредерика Рюйша: Пер. с голланд. СПб.: Наука, 2008. 448 с.; илл.